

Захеръ-Мазохъ, его жизнь и литературная дѣятельность.

Имя Захеръ-Мазоха не достаточно извѣстно русской публикѣ: нашъ переводъ его объемистаго тенденціознаго романа *), два-три небольшихъ разсказа, помѣщенные въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, да краткія біографическія замѣтки въ газетныхъ фельетонахъ—вотъ все, откуда наша публика могла познакомиться съ знаменитымъ галицкимъ романистомъ. Между тѣмъ не одинъ только чисто-литературный интересъ представляютъ намъ произведенія Захеръ-Мазоха: если французская и нѣмецкая критика восхваляютъ его ради новизны, ради того невѣдомаго для нихъ и широко раскрывшагося новаго міросозерцанія, ради той мощной реальности, которой дышатъ всѣ выводимые авторомъ типы, наконецъ ради того энергичнаго изложенія и блестящаго юмора, которымъ пропитана каждая страница его труда,—то все это вдвойнѣ дорого для насъ, ибо невѣдомый западу и интересующій его новый кругозоръ—*нашъ*, славянскій кругозоръ, выводимые Захеръ-Мазохомъ типы—*наши*, хотя и съ мѣстной окраской, но все-же родные намъ, русскіе типы; сцена дѣйствія во всѣхъ лучшихъ разсказахъ автора—русская Галиція; хотя дѣйствующія здѣсь лица и австрійцы по своему государственному положенію, но по вѣрѣ и языку, по своему нравственному и интеллектуальному складу всѣ они русскіе, весьма мало отличающіяся отъ русскихъ нашей Малороссіи. Хотя всѣ произведенія автора написаны имъ на нѣмецкомъ языкѣ, но тѣмъ

*) «Идеалы нашего времени», романъ въ 4-хъ частяхъ, пер. съ нѣмец. Москва. 1877 г.

не менѣе онъ всецѣло можетъ назваться національнымъ писателемъ Галицкой Руси, какъ Гоголь или Тургеневъ, которыхъ взялъ онъ себѣ за образцы—національные писатели Великороссіи, или какъ Шевченко—народный малороссійскій поэтъ. Отсюда понятна та особая, кровная связь, которая, помимо обще-европейскаго литературнаго значенія Захеръ-Мазоха, дѣлаетъ его особенно близкимъ и интереснымъ для русской публики. Вотъ почему, предлагая теперь вниманію читателей лучшее произведеніе автора, стяжавшее ему громкую извѣстность на западѣ, мы сочли не лишнимъ предпослать нашему переводу краткій обзоръ жизни и дѣятельности галицкаго писателя.

Леопольдъ Захеръ-Мазохъ родился 27 января 1836 года въ городѣ Львовѣ (Лембергѣ), столицѣ древняго галицкаго королевства. Родъ его ведетъ свое начало изъ Испаніи. Донъ Матіасъ Захеръ при императорѣ Карлѣ V сражался противъ нѣмецкихъ протестантовъ при Мюльбергѣ и, получивъ рану, долженъ былъ навсегда остаться въ Богеміи; здѣсь онъ женился на маркизѣ Джементи, родина которой сдѣлалась для него вторымъ отечествомъ. Въ Галицію Захеры перешли въ ту эпоху, когда она, по распаденіи Польши, сдѣлалась достояніемъ австрійской короны. Кавалеръ Захеръ, дѣдъ нашего романиста, прибывъ сюда, занялъ весьма солидный административный постъ, на которомъ сумѣлъ приобрѣсти себѣ всеобщее уваженіе. Сынъ его, Леопольдъ Захеръ, отецъ писателя, занималъ должность начальника полиціи въ Галиціи; это было въ эпоху польскихъ возстаній 1837, 46 и 48 гг., и Захеръ обнаружилъ здѣсь замѣчательный тавтъ. Бракъ его съ дѣвицей Мазохъ, принадлежавшей къ одному изъ самыхъ древнихъ галицкихъ родовъ, позволилъ ему присоединить эту фамилію къ своей собственной. Родившійся отъ этого брака ребенокъ долженъ былъ все время своего дѣтства провести въ стѣнахъ полицейскаго дома въ Лембергѣ, а это было весьма незавидное житіе въ тѣ смутныя, тяжелыя времена.

Первыя впечатлѣнія молодого Леопольда должны были оказать сильное вліяніе на развитіе его будущаго таланта. Диккенсъ, который вслѣдствіе бѣдности своей плакать не могъ выбратъся изъ самыхъ глухихъ закоулковъ Лондона и который, живи рядомъ съ какой-нибудь тюрьмой, богадѣльней или ночлежнымъ домомъ, постоянно натѣкался на самыя страшныя сцены человѣческой нищеты и паденія, впоследствии черпалъ изъ этого источника всю великую силу своего вдохновенія. Точно также и Захеръ-Мазохъ никогда не могъ отрѣшиться отъ воспоминаній своего тревожнаго дѣтства, никогда не могъ забыть тѣхъ картинъ, которыя ежедневно представляли стѣны лембергскаго полицейскаго дома: вѣчные часовые съ ихъ безстрастными, суровыми лицами, безпокойные и юркіе шпионы, преступники и бродяги, которыхъ каждый день приводили солдаты, обычныя въ то время экзекуціи, наконецъ рѣшетчатые окна, въ которыя молодыя дѣвушки мимоходомъ бросали свои любопытные взоры на блѣдныя и истомленныя лица польскихъ заговорщиковъ,—все это воспроизведено художникомъ въ его разсказахъ, которые служатъ такимъ образомъ вѣрнымъ отраженіемъ событій и впечатлѣній собственной жизни автора. Другою чертой этихъ разсказовъ является страсть къ чудесному, соединенная съ глубокимъ изученіемъ народныхъ нравовъ и легендъ. Развитію этой черты, какъ говоритъ самъ авторъ, онъ былъ обязанъ своей кормилицѣ, молодой малороссіянкѣ, „прекрасной, какъ Рафаэлева Мадонна“; народными легендами и сказками убаюкивала она своего питомца, и всѣ ея бесѣды твердо запечатлѣлись въ молодомъ умѣ Захеръ-Мазоха; отсюда берутъ свое начало воспроизведенныя имъ впоследствии разсказы о гайдамакѣ Добочѣ, о злополучной Варварѣ Радзивиллѣ, о прекрасной Эсѣири, этой еврейской Помпадурѣ въ Польшѣ, о гетманѣ Хмѣльницкомъ, этомъ страшномъ гонителѣ польскихъ магнатовъ, о воеводѣ Потоцкомъ, память о которомъ до сихъ поръ сохранили народныя пѣсни. Всѣ эти пѣсни, гдѣ рядомъ съ проникающей ихъ скорбью слышится такъ много и юмора, и

отваги, съ какимъ-то особымъ горделивымъ пафосомъ умѣла передавать кормилица,—и пѣсни эти сдѣлались для Захеръ-Мазоха тѣмъ-же, чѣмъ лондонскіе колокола всегда были для Диккенса. Особенно сильное впечатлѣніе производила на молодого Леопольда *колыда*, раздававшаяся обыкновенно вокругъ большихъ ясель, гдѣ младенецъ Иисусъ принималъ дары отъ пастуховъ, между тѣмъ какъ на сцену являлись три цари, предводимые большой звѣздой изъ золотой бумаги на потолокъ. Съ такимъ теплымъ чувствомъ всегда останавливается авторъ на всѣхъ этихъ наивныхъ церемоніяхъ, заставляя предполагать въ своемъ дѣтствѣ самую глубокую вѣру.

Первымъ языкомъ, который послѣ своего роднаго, славянскаго, сталъ изучать Захеръ-Мазохъ, былъ языкъ французскій: *Barbe-Bleue* и *le Chat botté* также очаровывали его, какъ *Твардовскій* и *Русалка*. Еще съ самыхъ раннихъ поръ пришла ему въ голову мысль поставить на сцену эти дѣтскіе рассказы; еще тогда пробудилась въ немъ страсть къ театру.

Каждое лѣто семейство его покидало Лембергъ и поселялось въ одномъ помѣстьи, съ которымъ онъ достаточно познакомилъ насъ въ своихъ разсказахъ. Здѣсь заботы и радости, связанные съ обширнымъ сельскимъ хозяйствомъ, попеременно смѣнялись продолжительными прогулками верхомъ на лошадяхъ по окрестнымъ, безграничнымъ, какъ море, равнинамъ, охотничьими поѣздками, гомерическими пирушками или интимными бесѣдами вокругъ самовара. Непременно являлся сюда факторъ-еврей и раскладывался со своими разнообразными товарами; на дворъ приходили жнецы и въ видѣ короны укладывали принесенные ими свѣжіе снопы у ногъ „госпожи-благодѣтельницы“. Хотя и горячее время было тогда, но въ скромной деревенской тиши нельзя было встрѣтить никого, кромѣ управляющаго, лѣсовода, да приходскаго священника; иногда съѣзжались сосѣди, но они любили только выпить, побалагурить, провозгласить тостъ въ честь какой-нибудь присутствующей красавицы, которая съ горделивой кокетливостью куталась въ свою

парадную кацавейку, когда кавалеры до-чиста опорожняли венгерское изъ ея маленькаго башмачка.

Въ такой обстановкѣ проводилъ молодой Захеръ-Мазохъ каждое лѣто и здѣсь-то почерпнулъ онъ ту страстную любовь къ природѣ, которую проникнуты всѣ его произведенія. Очень часто забирался онъ на самыя крутыя вершины горъ, откуда взоръ заразы обнималъ всю обширную, разстилавшуюся внизу равнину; въ сопровожденіи галицкихъ крестьянъ, своихъ лучшихъ друзей въ то время, совершалъ онъ свои далекія экскурсіи и упивался чудными разсказами своихъ спутниковъ о привольной жизни казаковъ и карпатскихъ гайдамаковъ; съ маленькимъ ружьемъ за спиной пробѣгалъ онъ окрестныя поля, лѣса и болота и, полной грудью вдыхая въ себя свѣжій ароматъ дикой природы, самъ воображалъ себя гайдакомъ. Еще ребенкомъ бѣгалъ онъ съ отцемъ своимъ на охоту, и тогда еще старый сержантъ сталъ обучать его разнымъ военнымъ артикуламъ. Придя домой, послѣ тяжелыхъ физическихъ занятій истекшаго дня, Захеръ-Мазохъ еще не скоро предавался покою: онъ обыкновенно бралъ перо и поспѣшно записывалъ для своихъ маленькихъ сестеръ слышанные имъ въ теченіи дня разсказы.

Страшныя сцены возстанія 1846 г. должны были сильно поразить молодой и впечатлительный умъ Захеръ-Мазоха. Между тѣмъ какъ австрійскія войска отражали колонны польскихъ повстанцевъ, сельское населеніе ополчилось въ свою очередь, чтобы идти на помощь къ Австріи и выместить свою накипѣвшую злобу противъ дворянства. Всѣ помѣстья очутились въ осадномъ положеніи, и невообразимыя звѣрства совершались кругомъ. Ужасная картина должна была неизгладимо вѣзаться въ памяти десятилѣтняго Захеръ-Мазоха: въ небольшихъ телѣжкахъ ежедневно привозили въ Лембергъ инсургентовъ, мертвыхъ и тяжело раненыхъ, связанныхъ вмѣстѣ; кровь струилась по соломѣ, на которой лежали ихъ тѣла, и собаки съ жадностью подлизывали ее. Отецъ Леопольда, какъ начальникъ

полиціи, всячески защищалъ поляковъ отъ ярости черни и исполнѣ заслужилъ то глубокое уваженіе, съ которымъ они относились къ нему. Въ 1848 г. по обязанностямъ службы онъ долженъ былъ переѣхать въ Прагу.

Въ Богеміи страсть молодого Захеръ-Мазоха къ изученію природы и къ физическимъ упражненіямъ продолжала развиваться; но всѣ эти упражненія отнюдь не мѣшали и его серьезнымъ занятіямъ. Едва только минуло ему шестнадцать лѣтъ, какъ одинъ изъ его профессоровъ предсказалъ ему жребій писателя; молодому человеку нужно было обратить особенное вниманіе именно въ эту сторону, но онъ пренебрегъ совѣтомъ профессора; изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ могло-бы оказать весьма благотворное вліяніе на развитіе его таланта, могло-бы выработать въ немъ художественный вкусъ, который далеко не всегда бываетъ спутникомъ генія, но Захеръ-Мазохъ оставилъ въ сторонѣ древній классическій міръ. Этому много способствовалъ тотъ успѣхъ, который имѣлъ онъ въ любительскихъ спектакляхъ и которымъ увлекся до того, что серьезно мечталъ сдѣлаться актеромъ; онъ съ одинаковымъ наслажденіемъ разыгрывалъ Шекспира, Шиллера, Гёте, Скриба и Коцебу и здѣсь думалъ найти свое настоящее призваніе. Но пылкая и подвижная натура юноши не могла удовлетвориться узкой сферой театральнахъ подмостокъ; вскорѣ онъ сталъ мечтать о военной славѣ, хотѣлъ сдѣлаться солдатомъ, затѣмъ пристрастился къ математическимъ наукамъ и потомъ перешелъ къ химіи. Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ лѣтъ университетской жизни, въ теченіи которой имъ, по его словамъ, „было выпито очень много пива и выдержано очень много дуэлей“, онъ, имѣя около 20 лѣтъ отъ роду, обладалъ уже докторскимъ дипломомъ и работалъ въ вѣнскихъ архивахъ; вскорѣ затѣмъ онъ получилъ каеедру исторіи въ грацскомъ университетѣ.

Скромно занимаясь наукою, Захеръ-Мазохъ былъ далекъ отъ того, чтобы предчувствовать свое настоящее призваніе. Однажды

только одна очень ужная старушка, у которой онъ любилъ проводить свои свободные вечера, выслушавъ его разсказъ о возмущеніи 1846 г., замѣтила ему: „опишите все это, и вы увидите, какой прекрасный романъ выйдетъ у васъ“. Слова эти обратили на себя вниманіе Захеръ-Мазоха: онъ дѣйствительно принялся за работу и очень скоро написалъ свой первый разсказъ—*графъ Донскій*—эту яркую и живую картину двойнаго возстанія польскаго и галицкаго населеній. Ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ этотъ убійственный контрастъ, со всею силою выступающій здѣсь между двумя противоположными лагерями! Съ одной стороны, эти блестящіе сборища знатныхъ заговорщиковъ, напоминающіе скорѣе какія нибудь праздничныя собранія, эти яко-бы охотничьи прогулки, подъ видомъ которыхъ затѣвались военныя атаки, эта смѣсь политической и великосвѣтской интриги, театромъ которой сдѣлалась маленькая республика Кракова. Съ другой стороны, эти безмолвныя сходки крестьянъ, которыхъ панскіе управляющіе вооружали цѣпами, косами и пиками, во имя освобожденія Польши, и которые внутренне рѣшали обратить это оружіе противъ самой-же ненавистной для нихъ Польши,—контрастъ, дѣйствительно убійственный! Любовь къ отечеству была всемогущимъ рычагомъ въ обоихъ лагеряхъ. Вся эта блестящая молодежь, всѣ эти гордые, предприимчивые и восторженные рыцари вырывались изъ объятій своихъ невѣстъ, лишали себя опьяняющей прелести первыхъ свиданій, только ради того, чтобы стать подъ знамя возстанія, около котораго какой нибудь фанатикъ-монахъ изступленно размахивалъ распятіемъ; всѣ эти великосвѣтскія львицы отказывали себѣ въ томъ горделивомъ обаяніи, какое производитъ на нихъ страстное обожаніе ихъ красоты, лишали себя наслажденія своихъ чарующихъ ласкъ, всѣмъ этимъ жертвовали онѣ ради „святаго дѣла“, а при случаѣ и сами выказывали себя столь-же безстрашными, какъ и ихъ покровительница амазонка Ванда. Но всѣ эти борцы свободы, съ ихъ романтической доблестью и блестящей арматурой, слишкомъ много расчитывали

на слѣпую покорность народа: подъ звуки старинныхъ славянскихъ пѣсень онъ неожиданно воспрянулъ противъ нихъ самихъ, чтобы въ конецъ раздавить ненавистное для него панство; на возгласъ: „да здравствуетъ Польша!“—другой лагерь отвѣчалъ крикомъ: „да здравствуетъ императоръ!“—а это было сигналомъ для начавшейся затѣмъ рѣзни и пожаровъ.

Занимаясь своимъ романомъ, содержаніе котораго постоянно переносило автора въ родныя мѣста дорогой для него Галиціи, онъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ этому краю, почти до болѣзни развилась въ немъ тоска по родинѣ. Окончивъ *Графа Донскаго* и посвятивъ его всѣмъ своимъ землякамъ вообще и одной дѣвушкѣ, бывшей подругѣ своего дѣтства, въ особенности, Захеръ-Мазохъ оставилъ университетъ и отправился въ путь, чтобы еще разъ взглянуть на скромный уголокъ роднаго пепелища. Слезы покатались по лицу его, говоритъ онъ самъ, когда глазамъ его предстала первая галицкая деревушка. Два мѣсяца провелъ онъ среди галицкихъ крестьянъ и тотчасъ-же по своемъ возвращеніи написалъ повѣсть *Лазутчикъ*, навѣянную возстаніемъ 1848 г. Какъ и *Графъ Донскій*, *Лазутчикъ* встрѣтилъ самый благопріятный приемъ. Вслѣдъ за симъ появились другіе историческіе романы Захеръ-Мазоха; изъ нихъ *Послѣдній король мадьярскій* такъ и отзывается этимъ своеобразнымъ запахомъ нетронутой степи; но при всей оригинальности своего колорита, при всей выдержанности венгерскихъ типовъ, романъ этотъ страдаетъ нѣкоторой растянутостью, парализующей силу производимаго имъ впечатлѣнія. Вообще историческіе романы Захеръ-Мазоха не имѣютъ особаго значенія въ литературѣ. Если справедливо, что историческій романъ отжилъ свое время почти вездѣ, то тѣмъ болѣе введеніе искусственнаго элемента здѣсь можетъ только затруднить задачу романиста; смѣло можно сказать, что задача эта вполне удалась развѣ только одному Вальтеръ-Скотту. Захеръ-Мазохъ написалъ еще большой романъ *Кауницъ*, и хотя нѣмецкій критикъ Готшалль и благоговѣетъ передъ этимъ

„фейерверкомъ остроумія“, хотя онъ и восхваляетъ эту живопись-рококо при изображеніи Людовика XV и m-me Помпадуръ, книжки Воронцовой и Вольтера, тѣмъ не менѣе два тома *Кауница* могутъ быть пройдены полнымъ молчаніемъ. Не изъ французской политической жизни брать Захеръ-Мазоху содержаніе своихъ романовъ, не мѣсто ему и русскій дворъ, около котораго вертятся нѣкоторые изъ его разсказовъ; его сфера—Галиція, ея природа и ея обитатели; здѣсь только является онъ вполнѣ самобытнымъ и великимъ художникомъ-поэтомъ; такъ смотреть на него французская и лучшая часть нѣмецкой критики.

Изъ своего романа *Кауница* авторъ извлекъ историческую комедію *Стихи Фридриха Великаго*, съ представленіемъ которой на сценѣ берлинскаго театра (22 января 1866 года) случилось небывалое происшествіе; это было именно въ то время, когда въ Пруссіи всѣ опасались возможности франко-австрійскаго союза. Произведеніе Захеръ-Мазоха еще ранѣе надѣлало большаго шума въ различныхъ мѣстахъ Германіи, почему очень естественно, что сгѣны берлинскаго театра едва вмѣщали въ себѣ массу любопытныхъ зрителей. Первый актъ пьесы прошелъ безъ особыхъ приключеній, но когда разыгрывалась сцена между Людовикомъ XV и австрійскимъ дипломатомъ, публика буквально пришла въ неистовство; лишь только Кауницъ произнесъ слова: „Австрія и Франція теперь разъединены; но, соединившись, онѣ могутъ управлять всей Европой“,—какъ свистъ и топанье ногами покрыли голоса актеровъ. Эта шумная демонстрація была направлена, безъ сомнѣнія, не столько противъ самой пьесы, сколько противъ Австріи и ожидаемой тогда страшной коалиціи. Нѣкоторые изъ зрителей пробовали было протестовать противъ общаго настроенія своими аплодисментами, но это еще болѣе усилило бурю, и скандалъ вышелъ невообразимый. Интересно, что пьеса эта, какъ сатира на прусскую жадность, брошенная прямо въ лицо Берлина, вѣроятно, изъ вишняго приличія, не была представлена въ Вѣнѣ. Вскорѣ послѣ этого Захеръ-Мазохъ

выступилъ противъ Пруссіи уже не съ перомъ въ рукахъ: однимъ изъ первыхъ записался онъ въ ряды дѣйствующей арміи, какъ только загорѣлась австро-прусская война.

Отъ историческаго романа авторъ перешелъ затѣмъ къ исторической комедіи; его *Человѣкъ безъ предразсудковъ* представляетъ собой очень вѣрную картину той напряженной борьбы просвѣщенія, которому покровительствовала Марія-Терезія, съ суевѣріемъ, феодальными нравами и іезуитскимъ господствомъ, укрѣпившимися въ правленіе Карла VI; трудный моментъ переходнаго времени воспроизведенъ здѣсь съ такою живостью и энергіей, что невольно поддается обаянію охватывающаго васъ впечатлѣнія. Темой для слѣдующей своей комедіи—*Наши рабы*—авторъ беретъ женскую эмансипацію; но въ этомъ произведеніи уже чувствуется подражаніе современной драматической школѣ.

Но драматическая поэзія не могла оторвать Захеръ-Мазоха отъ романа, который остался самой любимой его формой; въ этомъ родѣ литературы онъ явился весьма плодovitымъ писателемъ; необходимой при такой плодovitости поспѣшностью мы и можемъ объяснить себѣ ту громадную разницу, какая существуетъ между его произведеніями. Такъ, его желчная, направленная противъ іезуитовъ сатира *Во славу божію*, коротенькій очеркъ *Добрые люди и ихъ исторія*, затѣмъ его сборники любовныхъ и театральныхъ похожденій рѣшительно ничего не прибавляютъ къ достоинствамъ автора, какъ писателя и моралиста. Мы не говоримъ о блестящемъ остроуміи, которымъ отличается каждое изъ его произведеній, какое-бы мы ни взяли на выдержку. Въ этомъ отношеніи очень хорошъ игривый разсказъ о жидовскихъ продѣлкахъ—*Женитьба Валеріана Кошанскаго*; назовемъ еще болѣе изысканный романъ *Разлученная*, который, какъ и *Госпожа Бовари*, обратилъ на себя особенное вниманіе критики, благодаря тому безпощадному реализму, съ которымъ воспроизводитъ авторъ порочную сторону человѣческой природы.